М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

ПРОБЛЕМА СЛАВЯНО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ ДО IX века В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Проблема славяно-византийских отношений в VI—VIII вв. принадлежит к числу тех, которые привлекали внимание отечественной историографии начиная от самого ее возникновения. Этим вопросом интересовались еще историки XVIII в. В частности, М. В. Ломоносов отмечал: «Как Римская империя стала приходить в упадок, тогда славяне, стараясь отмстить древнюю предков своих обиду, предпринимали с севера на полдень сильные и частые походы, особливо при Иустиниане Великом, царе греческом» [1]. В качестве иллюстрации он приводил длинную цитату из Прокопия, посвященую описанию войны 550—551 гг. В 1770—1774 гг. И. Штриттер опубликовал первую сводку сведений о славянах, содержащихся в византийских источниках [2]; многие из этих данных относились ко времени до образования Киевского государства. Сам по себе этот факт свидетельствует об интересе, который уже в то время вызывала у исследователей проблема славяно-византийских отношений.

В дальнейшем, однако, интерес этот значительно падает в связи с установлением господства в русской историографии XIX в. норманской теории, породившей тенденцию начинать историю Руси лишь с IX в. Только во второй половине столетия, когда в русской историографии начался новый этап источниковедческой разработки проблемы, повышается интерес к древнейшим связям славян с империей (работы В. И. Ламанского, В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского, А. Л. Погодина, А. А. Васильева и др.). Русские византинисты создали концепцию, согласно которой славянская колонизация византийских земель имела глубокие последствия для истории Византии, отразившись самым непосредственным образом на развитии ее социально-экономического строя в VII—VIII вв. Именно славянской колонизацией и влиянием славянской общины эти исследователи склонны были объяснить разницу в общественных отношениях Византии, обнаруживающуюся при слиянии «Земледельческого закона» с законодательством Юстиниана I.

Хотя эта концепция являлась плодом, несомненно, одностороннего увлечения, она имела, однако, весьма прогрессивное для своего времени значение, ибо, во-первых, способствовала ниспровержению норманской теории, отрицавшей какое-либо самостоятельное значение славян как реаль-

---

[1] М. В. Ломоносов. Древняя российская история. Полн. собр. соч., т. 6. М.—Л., 1952, стр. 191.

[2] И. Штриттер. Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов, т. 1—3. СПб., 1770—1774.

ной исторической силы в докиевское время, и, во-вторых, подчеркивала активное участие самих славянских племен в ликвидации рабовладельческого строя.

В советской историографии вопросы древнейшей истории славян первоначально были отодвинуты на второй план. Их систематическая разработка началась лишь незадолго до Великой Отечественной войны, а особенно — в послевоенные годы. Существенное место в литературе этого времени заняла и интересующая нас проблема славяно-византийских отношений в раннесредневековую эпоху.

Задача первых работ на данную тему, появившихся в 30-х и в начале 40-х годов, заключалась прежде всего в переосмыслении и переоценке того наследия, которое было оставлено буржуазной наукой.

Так, в 1931 г. Н. С. Державин в статье «Славяне и Византия в VI—VII вв.» [3] сделал попытку пересмотреть традиционные представления о появлении славян на Балканах в VI в. Опираясь на «теорию стадиальности» Н. Я. Марра, он утверждал, что славяне представляют собой исконное население Балкано-Дунайских земель; VI век был ознаменован лишь началом их военных действий против Византии. Позднее эта концепция была развита тем же автором в I томе его «Истории Болгарии» [4], но не нашла себе сторонников.

В 1938 г. М. В. Левченко напечатал статью «Византия и славяне в VI—VII вв.» [5], где на повестку дня вновь был поставлен вопрос о столкновениях славян и Византии. В 1939 г. появилась целая серия работ, так или иначе касавшихся данной проблемы. Мы имеем в виду прежде всего шесть статей, опубликованных в первом номере «Вестника древней истории» [6], из которых три непосредственно затрагивали интересующий нас сюжет: работа А. В. Мишулина, содержавшая принципиальную постановку вопроса (ее основные положения были позже воспроизведены им в статье, напечатанной в «Историческом журнале») [7], и статьи Б. Т. Горянова и Б. А. Рыбакова, посвященные характеристике социально-экономического строя славян на Балканах в VI в. и антской проблеме (в том числе и вопросу о движении антов в пределы Византии). В том же году Б. Т. Горянов опубликовал вторую статью на данную тему («Славяне и Византия в V—VI вв. н. э.») [8]; тогда же была напечатана работа А. Дьяконова, анализировавшая сведения Псевдо-Захарии о древних славянах и представляющая интерес в качестве одной из первых попыток расширить круг источников по их древнейшей истории [9]. Впоследствии анализу известий этого источника о россах посвятила свои исследования Н. В. Пигулевская [10].

---

[3] См. «Язык и литература», т. VI. Л., 1931.

[4] Н. С. Державин. История Болгарии, т. I. М.—Л., 1945, стр. 36—100.

[5] См. ВДИ, 1938, № 4, стр. 23—48.

[6] Н. С. Державин. Об этногенезе древнейших народов Днепровско-Дунайского бассейна. ВДИ, 1939, № 1, стр. 279—289; А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи. Там же, стр. 290—307; Б. Т. Горянов. Славянские поселения VI в. и их общественный строй. Там же, стр. 308—318; Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. Там же, стр. 319—337; Б. Д. Греков. История древних славян и Руси в работах акад. В. Г. Васильевского. Там же, стр. 338—351; Е. Э. Липшиц. Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв. Там же, стр. 352—365.

[7] А. В. Мишулин. Древние славяне и крушение Восточноримской империи. ИЖ, 1941, № 10—11, стр. 55—61.

[8] См. ИЖ, 1939, № 10, стр. 101—111.

[9] А. Дьяконов. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах. ВДИ, 1939, № 4, стр. 83—89.

[10] Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941; ее же. Имя «рус» в сирийском источнике VI в. н. э. Сб. «Б. Д. Грекову ко дню 70-летия». М., 1952, стр. 42—48.

В 1940 г. в статье А. Ф. Вишняковой рассматривался вопрос о славянской колонизации в Малой Азии [11], а в начале 1941 г. А. В. Мишулин опубликовал новую сводку отрывков из произведений византийских писателей (до VIII в. включительно), касающихся древней истории славян [12]. Эта публикация, призванная заменить давно устаревшие материалы Штриттера, при всей ее неполноте и несовершенстве имела исключительно большое значение: она позволила широкому кругу читателей ознакомиться с важнейшими источниками по истории славян VI—VIII вв. (Прокопий, Менандр, Феофилакт, Псевдо-Маврикий, Феофан и пр.).

В послевоенные годы продолжается публикация работ о славяно-византийских отношениях до IX в. В обсуждение проблемы включаются новые авторы: В. И. Пичета [13], Б. Д. Греков [14], В. В. Мавродин [15] и другие. Наряду со специальными статьями, углубленно разрабатывающими источники (исследования А. Дьяконова [16], Н. В. Пигулевской [17]), появляются труды общеисторического характера, в которых вопросы славяно-византийских отношений занимают видное место: таковы «Борьба Руси за создание своего государства» Б. Д. Грекова, «Происхождение русского народа» (1944) и «Славяне в древности» (1946) Н. С. Державина, «Образование древнерусского государства» В. В. Мавродина, «Восточнославянские племена» П. Н. Третьякова (1948—1953).

Одновременно создаются и работы, рассматривающие значение славянской колонизации византийских земель в процессе внутреннего развития самой империи. Из их числа в первую очередь должны быть названы исследования Е. Э. Липшиц, посвященные изучению «Земледельческого закона» [18].

Основное достижение всех этих работ заключалось в том, что в них был твердо обоснован тезис о чрезвычайно важном вкладе славян в создание нового, средневекового мира, возникшего на развалинах Римской державы, об активном участии славян в ниспровержении Восточноримской империи, где их роль была аналогична роли германских племен в истории западного Рима. Принципиальным преимуществом постановки данной проблемы в советской историографии по сравнению с буржуазной является то, что, опираясь на марксистскую теорию исторического материализма, советские ученые разрабатывают проблемы славяно-византийских отношений с точки зрения изучения внутренних социальных процессов, происходивших на территории Римской империи. Наступление против нее славян (и других племен) рассматривалось не как столкновение лишь различных этнических групп и не как борьба «варваров» против «цивилизованного» Рима: по мнению историков-марксистов, это было прежде всего движение, объективно направленное против устоев рабовладельческого строя, вместе с революцией рабов и колонов приведшее к крушению рабовладельческой формации и возникновению нового, более прогрессивного,

---

[11] А. Ф. Вишнякова. Славянская колония VII в. в Вифинии. ВДИ, 1940 № 1, стр. 138—141.

[12] А. В. Мишулин. Материалы к истории древних славян. ВДИ, 1941, № 1, стр. 223—280.

[13] В. И. Пичета. Славяно-византийские отношения в VI—VII вв. в освещении советских историков (1917—1947). ВДИ, 1947, № 3, стр. 95—99.

[14] Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства. М., 1945.

[15] В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945.

[16] А. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII вв. ВДИ, 1946, № 1, стр. 20—34.

[17] См. выше, стр. 81, прим. 10.

[18] Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, стр. 95—143; ее же. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма. ВВ, I, 1947, стр. 144—163.

феодального строя. Точно так же и роль славян во внутренней истории Византии рассматривалась главным образом под углом зрения генезиса феодальных отношений в Восточноримской, а затем — Византийской империи. Именно в этом и состоял вклад, внесенный в разработку интересующей нас проблемы советской историографией 30—40-х годов.

Главные выводы исследования Е. Э. Липшиц, например, были сформулированы ею в 1952 г. следующим образом: «1) Борьба славянских племен с Византией являлась одним из звеньев в борьбе эксплуатируемых масс против отживавшего свой век античного рабовладельческого общества; 2) только благодаря поддержке славянских племен осуществился на территории Византии окончательный переход от античного общества к феодальному; 3) свободная славянская община в сочетании с общинами местных крестьян к IX веку превратилась в определяющую форму аграрных отношений в Византии, в форму, оттеснившую на задний план колонат» [19].

Успех, достигнутый нашей наукой, повлек за собою, однако, известные преувеличения в оценке исторической роли древних славян, особенно усиленные общей тенденцией к их идеализации и преуменьшению (если не полному отрицанию) роли неславянских народов, принимавших участие в событиях так называемого «великого переселения народов». Эта тенденция получила распространение в советской историографии в 40-е годы и достигла своего апогея в начале 50-х годов. Ее последствием явились попытки вопреки фактам рассматривать Северное Причерноморье, Крым и Северный Кавказ как исконную славянскую территорию; Черное море, именуемое «Русским»,— как внутреннее славянское озеро. Отсюда же вытекали стремление к приукрашиванию славянских военных мероприятий (например взятия Корсуня Владимиром), отказ видеть какие-либо следы византийского влияния на древнеславянскую и раннерусскую культуру и т. д. У археологов возникло желание приписывать славянам такие явления, которые в действительности не имели к ним никакого отношения (салтовскую культуру, нижнеднепровские городища и поселения типа Любимовки и Берислава, памятники Крымской Готии и даже поздние слои причерноморских античных городов).

Все это, конечно, не могло не вызвать протеста со стороны более осторожных и благоразумных исследователей, но повлекло за собой в дальнейшем «перегиб» противоположного порядка — в сторону отказа от некоторых действительных, достоверных достижений науки. Справедливо критикуя отмеченные увлечения и крайности, многие исследователи в свою очередь не сумели удержаться на почве реальных фактов и обнаружили готовность к возрождению некоторых старых, в свое время преодоленных советской наукой ошибочных тенденций.

Так вновь возникло стремление к чрезмерному сужению первоначальной славянской территории, к отрицанию участия славян в ряде политических событий «великого переселения народов», к слишком позднему выведению славян на арену мировой истории; были предприняты попытки гальванизации давно изжитых концепций, вроде пресловутой «готской теории», в археологии — отрицания славянской принадлежности черняховской культуры и других наиболее ярких явлений в истории материальной культуры I тыс. н. э. и т. д. К сожалению, эти резкие колебания от одной крайности к другой еще не вполне изжиты и поныне.

Указанные обстоятельства, разумеется, не могли не отразиться и на изучении занимающей нас проблемы. Сейчас в советской науке начинается

---

[19] Е. Э. Липшиц. Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв. н. э. Сб. «Б. Д. Грекову ко дню 70-летия». М., 1952, стр. 49—50.

новый этап в разработке истории славяно-византийских отношений. В наши дни уже никого не может удовлетворить вновь и вновь декларативно повторяемый тезис о существенной роли древних славян в ранней истории Византии. Справедливость этого тезиса давно доказана, и задача состоит в том, чтобы, опираясь на правильное понимание сути данного явления как одного из моментов, характеризующих процесс перехода от рабовладельческого строя к феодальному, обратиться к тщательному изучению конкретных вопросов истории взаимоотношений славян и Византии в раннее средневековье. Думается, только таким образом может быть осуществлена дальнейшая, углубленная разработка проблемы.

Перед исследователями ее в настоящее время стоят, как нам представляется, три основных вопроса.

1. Причины движения славян на юг, в пределы империи, причины Балканских войн и славянской колонизации византийских земель. Этот вопрос в старой литературе по сути даже не был поставлен, так как миграции вообще признавались имманентным способом существования всех народов в ранние периоды их истории. Советская наука отрицает подобное представление. Признавая принципиальную возможность миграций, она требует их конкретного объяснения, основанного в каждом отдельном случае на анализе той стадии развития, которую переживает данный народ. Не может быть совершенно одинаковых причин для всех переселений, когда-либо осуществленных человеческими коллективами. Греческая колонизация VII—V вв. до н. э. имела совершенно иное содержание и иные причины, нежели движение гуннов, а монгольское нашествие XIII в. коренным образом отличается от переселений русских крестьян в Сибирь в новое время.

С этой точки зрения причины движения славян на юг, в Византию, еще далеко не разработаны и в советской науке; не вполне ясным остается даже самый характер этого движения: недостаточно подчеркивается, в частности, что оно представляло собою не переселение, а расселение — обстоятельство, имеющее первостепенное значение для выяснения причин данного процесса. Очевидно, разработка вопроса о причинах движения славян против Византии в VI—VIII вв. н. э. и славянской колонизации византийских земель является насущной потребностью исторической науки.

2. Важной задачей, стоящей перед нашими исследователями — византинистами и историками славянских народов, является тщательное изучение самого хода событий, связанных с развитием славяно-византийских отношений, выявление новых фактов, установление их последовательности и взаимосвязи, наконец, разработка периодизации истории славяно-византийских отношений, вскрытие особенностей и характерных черт, свойственных для каждого из конкретных периодов. В настоящее время не могут быть признаны достаточными рассуждения о славяно-византийских войнах и славянской колонизации вообще; нельзя говорить о событиях, рассказанных Прокопием, и событиях, освещаемых Феофилактом Симокаттой, в одном плане, одинаковыми словами, поскольку славяно-византийские отношения середины VI в. существенно отличаются от тех же отношений второй половины века (не говоря уже о VII в.).

Особенности развития славяно-византийских отношений в каждый конкретный период определялись обстоятельствами двоякого рода: во-первых, связанными с внутренним развитием славянских племен, участвовавших в движении против Византии, и, во-вторых, с изменениями в состоянии самого византийского общества, которое именно в это время переживало переломный момент своей истории.

3. Наконец, существенную сторону интересующей нас проблемы составляют последствия славянской колонизации балканских земель для

дальнейшего развития Византии. Этому вопросу уделялось особенно большое внимание и в русском дореволюционном византиноведении и в советской литературе, где нашла свое отражение концепция В. Г. Васильевского — Ф. И. Успенского.

Своеобразие нового этапа в разработке проблемы славяно-византийских отношений до IX в. определяется также крупными успехами советского славяноведения, благодаря которым наши познания в области истории и социально-экономического строя древних славян в первой половине и середине I тысячелетия н. э. продвинулись далеко вперед. Немало способствовали этому, в частности, успехи археологической науки, открывшей перед исследователями совершенно новые возможности расширения круга источников.

В настоящее время славянское общество эпохи «переселения народов» рисуется в совершенно ином свете, нежели, например, в статье Б. Т. Горянова, опубликованной в 1939 г.[20] Вместо крайне нечетких представлений о господстве у славян то ли родовых, то ли общинных отношений выработана вполне определенная концепция, согласно которой славяне выступают как общество, стоящее на грани первобытнообщинного строя, знакомое с развитыми, основанными на индивидуальном землепользовании формами сельскохозяйственного производства, общественным разделением труда, достигшим той стадии, когда закономерным становится отделение ремесла от сельского хозяйства; общество с достаточно высоко развитой торговлей, в том числе и внутренней, знающей денежное обращение; социальные отношения характеризуются довольно глубоким имущественным расслоением с элементами частной собственности на основное средство производства — землю. Возникают крупные межплеменные объединения, по своему характеру приближающиеся к объединениям политического типа (т. е. к зародышевым формам государства). Складывается сильная военная организация, способная выставить отряды численностью в десятки тысяч воинов и т. д.

Все это, конечно, не может не повлиять самым решительным образом на понимание как внутренней сути, так и внешнего характера славяно-византийских отношений в VI—VIII вв. н. э. Само собой разумеется, указанные обстоятельства не только не подрывают, но, напротив, еще более укрепляют основной вывод, сделанный советскими исследователями в предшествующее время.

Рассмотрим конкретно, что уже осуществлено и что предпринимается в советской литературе для разрешения перечисленных выше вопросов.

Проблема славяно-византийских отношений признается сейчас одной из важнейших в изучении ранней истории Византии. Это было отмечено, в частности, во время дискуссии по вопросам византиноведения, начатой на страницах журнала «Вопросы истории». Открывая ее, З. В. Удальцова и А. П. Каждан в числе прочих проблем, подлежащих разрешению в первую очередь, назвали и вопрос о роли славян в генезисе византийского феодализма, о том, явилось ли славянское вторжение «фактором укрепления уже существовавшего (феодального) государства или же славяне принимали участие в сокрушении рабовладельческих порядков на востоке империи и тем самым в формировании нового общественного строя на Балканах и в Малой Азии»[21].

К сожалению, дискуссия велась чрезвычайно вяло: на протяжении четырех лет в ней приняло участие (помимо инициаторов) только три человека. И хотя главным ее предметом было внутреннее развитие Византии,

[20] См. выше, стр. 81, прим. 6.

[21] З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. ВИ, 1958, № 10, стр. 82.

вопрос о роли славян в процессе генезиса византийского феодализма так или иначе затрагивался в выступлениях всех ее участников.

М. Я. Сюзюмов высказался в поддержку той точки зрения, что славяне принесли в Византию общину, подчеркнув, однако, что это положение требует уточнения [22]. По мнению болгарского ученого Д. Ангелова, основным вопросом социально-экономического развития Византии VII—IX вв. является вопрос о сущности того глубокого перелома, который совершился «в византийском обществе в результате внутренних потрясений и ударов, нанесенных нашествиями „варваров", и главным образом славян...» [23]. Е. Э. Липшиц также пишет, что «едва ли можно сомневаться в том, что славянская колонизация сыграла огромную роль в судьбах византийского государства» [24].

Из этих и многих других аналогичных высказываний явствует, что марксистская наука отводит славяно-византийским отношениям VI—VIII вв. чрезвычайно важное место в процессе генезиса феодального строя в Восточноримской империи, полагая, что без их учета данный процесс вообще не может быть понят. Однако к рассмотрению этой проблемы советские исследователи подходят главным образом с точки зрения изучения византийского феодализма как такового; их интересуют преимущественно последствия славянской колонизации и в гораздо меньшей степени — внутренние пружины, обусловившие начало славянского движения в пределы империи и его характер. Этот вопрос — о причинах движения славян против Византии — до сих пор по-настоящему не поставлен. Обычно его либо вообще избегают рассматривать, либо ограничиваются правильной в своей основе, но слишком общей формулой, согласно которой движение это было одним из составных элементов борьбы «варварского» мира (т. е. племен, достигших крайней ступени первобытнообщинной формации и стоявших на пороге классового общества) против рабовладельческого строя. При всей бесспорности этого тезиса он не является еще действительным решением проблемы: история ниспровержения рабовладельческого строя очень сложна, она прошла целый ряд стадий, каждая из которых требует тщательного изучения.

Даже в таком фундаментальном издании, как «Всемирная история», уделяющем большое внимание движением «варварских» народов в античную, позднеримскую и ранневизантийскую эпоху, причины движения славян против Византии в сущности вообще не затрагиваются. В параграфе, содержащем характеристику их социально-экономического развития, отмечается лишь кровная заинтересованность славян, живших под угрозой порабощения рабовладельческой державой, в уничтожении рабовладельческого строя [25]. Изложение же раздела о славяно-византийских отношениях начинается прямо с констатации того, что славянские походы сыграли огромную роль в судьбах империи [26].

А. П. Каждан в статье 1953 г., специально посвященной славяно-византийской проблеме, довольно подробно рассматривает социальную организацию и быт древних славян, но никак не увязывает их с причинами движения славян против Византии [27].

---

[22] М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии. ВИ, 1959, № 3, стр. 101.

[23] Д. Ангелов. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. ВИ, 1960, № 2, стр. 97.

[24] Е. Э. Липшиц. Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма. ВИ, 1961, № 6, стр. 105.

[25] «Всемирная история», т. III. М., 1957, стр. 73.

[26] Там же, стр. 80.

[27] А. П. Каждан. Славяне и падение рабовладельческих отношений в Византии. «Преподавание истории в школе», 1953, № 2, стр. 47—58.

Конечно, названные работы, трактующие общие проблемы истории Византии или даже всей Восточной Европы, не могут претендовать на решение всех конкретных вопросов, но отмеченный факт, как нам представляется, свидетельствует и о неразработанности данного сюжета в нашей литературе. В некоторых произведениях советских историков получила даже отражение старая, весьма поверхностная концепция, по которой главным, если не единственным стимулом славян к экспансии против Римской империи было стремление к наживе и грабежу: богатые античные города привлекали «варваров» легкой добычей — и в этом якобы суть вопроса. Так, С. В. Юшков писал о грабительских войнах славян, обогащавших родоплеменную верхушку [28].

Корни этой точки зрения уходят в эпоху, современную событиям: византийские авторы VI—VII вв., с ужасом описывавшие набеги славян, не жалели красок, чтобы изобразить их участников грабителями, убийцами и насильниками. Однако нет оснований доверять этим описаниям. Как справедливо отмечал Б. А. Рыбаков, угнетаемые низы византийского общества смотрели на славян отнюдь не теми глазами, что представители общественной верхушки, вроде Прокопия, являвшегося секретарем Велизария, главнокомандующего византийскими вооруженными силами, вроде Менандра и Агафия — юристов на государственной службе — или Феофилакта — секретаря самого императора [29]. Критикуя тенденцию, усматривающую главный импульс славянских движений против Византии в стремлении к грабежам, Б. А. Рыбаков пишет: «На самом же деле походы славянских дружин были в известной мере ответом на попытку реставрации рабовладельческих отношений, которую предприняло правительство императора Юстиниана (527—565 гг.)» [30].

К сожалению, тезис этот не раскрыт; в подтверждение его автор указывает лишь на сочувственное отношение народных масс Византии к славянам. Однако это не ответ на поставленный вопрос: вряд ли можно предположить, что славяне пришли на Балканы для того, чтобы помочь византийским крестьянам в их борьбе с угнетателями. Этот мотив мог служить сопутствующим обстоятельством, но не причиной. Вообще непонятно, каким образом попытка реставрации рабовладельческого строя в империи, предпринятая Юстинианом, могла коснуться славян, обитавших к началу Балканских войн вне границ империи и отнюдь не подлежавших юрисдикции императора. Вопрос остается тем более неясным, что, как подчеркивает сам Б. А. Рыбаков, начало борьбы славян с Византией приходится во всяком случае на время до вступления на престол Юстиниана I [31].

Ответа на этот вопрос не дают и другие работы последних лет.

Так, в курсе истории южных и западных славян, подготовленном коллективом авторов под редакцией С. А. Никитина, движение славян против Византии рассматривается как результат «разложения у них первобытнообщинного строя и создания строя военной демократии, когда война становится обычным занятием племен» [32]. Здесь нет прямого утверждения, что Балканские войны были чисто грабительскими предприятиями, но по сути дело сводится именно к этому. Между тем такая постановка вопроса совершенно не способна объяснить характер движения славян

---

[28] С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 41.

[29] См. «Очерки истории СССР. III—IX вв.». М., 1958, стр. 99—100.

[30] Там же, стр. 100.

[31] Там же, стр. 106.

[32] С. А. Нікітін. Пересування слов'ян на Балканський півострів. «Історія південних і західних слов'ян». Київ, 1959, стор. 11.

против Рима: ведь они не только захватывали добычу и пленных, но прежде всего стремились к освоению новых земель, к расселению в них. Иначе говоря, указанным обстоятельством можно было бы попытаться объяснить сами набеги славян, но не славянскую колонизацию византийских земель.

Весьма существенным моментом является установленный советской наукой факт, что Балканские войны VI—VII вв. отнюдь не являлись началом славянской экспансии в пределы империи: славяне принимали участие в борьбе причерноморских племен против Рима начиная по крайней мере со II—III вв. н. э., а может быть, и того ранее. Впервые об этом, кажется, писал А. В. Мишулин в уже упоминавшейся статье 1939 г. [33], однако его постановка вопроса опиралась скорее на общие соображения, нежели на фактический материал. В последующие годы этот вопрос получил конкретную разработку.

О. В. Кудрявцев тщательно изучил нашествие костобоков на Элладу во II в. н. э. [34] Специальное внимание исследователя привлекла проблема их этнической принадлежности. Подробно разобрав все существующие на этот счет гипотезы, О. В. Кудрявцев склонился к признанию костобоков славянской групой племен [35]. Если согласиться с этим выводом, можно считать нашествие 170 года наиболее ранним событием истории славянского движения на юг.

В эпоху кризиса III века начинается развернутое наступление восточноевропейских племен против Римской империи: оно известно в литературе под неточным наименованием «готских войн». В них активно участвовали и славяне. Об этом еще в 1954 г. писал А. М. Ременников, который подвел итоги исследований, предпринятых в данном направлении [36]. Справедливо рассматривая «готов», или «скифов», в качестве сложного конгломерата самых различных по происхождению племен, он несколько раз отмечает и наличие среди них славянского элемента. Это подтверждается, между прочим, некоторыми археологическими материалами, в частности монетными находками, на что обращали внимание В. В. Кропоткин [37], А. М. Ременников [38], а также автор настоящей статьи [39].

Однако в литературе последних лет встречаются и скептические высказывания, берущие под сомнение те данные, на которых базируется представление об участии славян в «готских» войнах. Так, Е. Ч. Скржинская, не приводя, впрочем, сколько-нибудь серьезных доводов в пользу своей точки зрения, отрицает славянскую принадлежность предводителей готов во время похода 263 г., упоминаемых Иорданом (Тур, Варо, Респа и Ведуко) [40].

При рассмотрении вопроса об участии славян в борьбе причерноморских племен против Рима особое значение приобретает правильное опре-

---

[33] См. выше, стр. 81, прим. 6.

[34] О. В. Кудрявцев. Вторжение костобоков в Балканские провинции Римской империи. ВДИ, 1950, № 3; его же. Эллинские провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М., 1954, стр. 245—271.

[35] О. В. Кудрявцев. Костобоки, их расселение и этническая принадлежность. Исследования по истории Балканско-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957, стр. 11—100.

[36] А. М. Ременников. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М., 1954.

[37] В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4, стр. 251.

[38] А. М. Ременников. Указ. соч., стр. 105—106.

[39] М. Ю. Брайчевский. Некоторые данные об участии восточных славян в событиях на Дунае 248—251 гг. н. э. КСИА АН УССР, вып. 3, 1954, стр. 8—13; его же. К вопросу о происхождении Оболонского клада. КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 59—64.

[40] Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, стр. 259 (комментарии Е. Ч. Скржинской).

деление этнической принадлежности карпов, которые играли важную роль в событиях этого времени. Существует довольно старая традиция, относящая карпов к числу славянских племен. Эта точка зрения, выдвинутая более ста лет назад П. Шафариком, получила известное распространение и в советской литературе, хотя имеется также тенденция считать карпов фракийцами. Последнее слово пока остается за славянской гипотезой: в опубликованной в 1960 г. книге М. Ю. Смишко она подверглась новому рассмотрению и была аргументирована, между прочим, свежим археологическим материалом [41].

Итак, ясно, что датировать начало движения славян против рабовладельческой империи необходимо временем задолго до VI в. н. э., а следовательно, Балканские войны VI—VII вв. должны толковаться как непосредственное продолжение более ранних выступлений славян, действовавших против Рима совместно с другими причерноморскими племенами. Этот вывод получил свое отражение в целом ряде работ советских историков последних лет.

По словам С. А. Никитина, «вторжение славянских племен на Балканский полуостров представляло собою один из эпизодов так называемого „великого переселения народов" — передвижения племен, связанного с их вековой борьбой против экспансии рабовладельческой Римской империи, закончившейся в конце концов полным ее разгромом» [42].

Автор усматривает главные причины, толкавшие славян (и другие причерноморские племена) на борьбу с Римом, с одной стороны, в их боязни римской экспансии и стремлении освободить пленных соплеменников, с другой — в торговых интересах [43]. Будучи сами по себе верными в той или иной степени, эти соображения все же не объясняют существа проблемы. Если до начала III в. (а с очень большими натяжками — до конца IV в.) еще можно говорить об обороне славян (и других восточноевропейских племен) против римской экспансии, то уже знаменитая битва под Адрианополем 378 г. знаменовала собой совершенно иную расстановку сил. Тем более немыслимо рассматривать как оборонительные славяно-византийские войны VI—VII вв. Славяне были в них наступающей стороной. Нельзя также считать решающим стимулом славянского наступления на Византию желание освободить из рабства соплеменников: в источниках мы не находим никаких конкретных сведений об этом; напротив, они свидетельствуют, что сами славяне захватывали рабов во время военных действий.

Что касается экономической стороны дела, то трудно представить, чтобы торговые мотивы могли стать самодовлеющей причиной экспансии. К тому же связи славян с Римом оборвались в III в. н. э. и к событиям VI—VII в. вообще никакого отношения иметь не могут.

Почти во всех общих трудах, затрагивающих проблему славяно-византийских отношений до IX в., обращается внимание на внутреннее положение империи как фактор, благоприятствовавший славянскому наступлению; указывается на тяжелое положение страны, переживавшей в конце VI—VII в. глубокий кризис рабовладельческих отношений; подчеркивается, что движение славян сливалось с революционной борьбой угнетенных масс против поработителей, что основная масса византийского крестьянства видела в славянах не врагов, а союзников и т. д.

Так, З. В. Удальцова с полным основанием указывает на разницу в положении дел в империи в первой половине VI в. и в конце VI—VII в.:

---

[41] М. Ю. Смішко. Карпатські кургани першої половини 1 тис. н. е. Київ, 1960.

[42] «История Болгарии», т. I. М., 1954, стр. 38—39.

[43] Там же. Ср. «Історія південних і західних слов'ян», стор. 11.

если в эпоху Юстиниана I Византия еще имела достаточно сил, чтобы противостоять славянскому натиску, то во второй половине VI в. намечается резкое изменение обстановки: империя уже не могла сопротивляться нашествию, следствием чего и явилась колонизация дунайских земель[44]. Всем этим действительно можно объяснить причины успеха славянской колонизации, но не причины ее возникновения.

Ответ на поставленный вопрос следует искать в изучении внутреннего развития самих славян, тех социально-экономических процессов, которые протекали внутри славянского общества. Задача исследователя, следовательно, состоит в том, чтобы конкретно показать, как развитие аграрных отношений в период окончательного разложения первобытнообщинного строя, возникновение и повсеместное распространение индивидуального способа обработки земли и ведение частного хозяйства обусловливали выбрасывание все большего и большего количества населения за рамки старой общинной организации, вынуждая его искать новые земли за пределами своей родины.

В какой-то мере, очевидно, правомерной и оправданной была бы постановка вопроса о вынужденной эмиграции части славянского населения, подобной той, которая, как показал К. Маркс, некогда имела место в раннеантичном обществе[45]. Конечно, в уровне исторического развития греков VII—V вв. до н. э. и древних славян была большая разница, и уже по одному этому нельзя механически переносить выводы Маркса на явление, о котором идет речь; однако и в том и другом случае налицо определенная близость рассматриваемых процессов по существу: они характеризуются невозможностью при тогдашнем уровне развития производительных сил и соответствующих ему производственных отношений обеспечить нормальные условия производства для все более и более увеличивающегося избыточного населения.

Именно таким образом, думается нам, и можно будет объяснить исключительное упорство, с которым славяне (как и другие «варварские» народы, достигшие той же ступени общественного развития) стремились к расширению территории, к освоению новых земель. Общая картина движения славян на византийские земли была такова, что, с одной стороны, все больше усиливался их натиск на империю, с другой — силы последней, истощенной в борьбе с многочисленными врагами, постепенно падали, и чем дальше, тем меньше могли обеспечивать нерушимость ее границ.

Из этого вытекает и необходимость исследовать конкретное развитие событий длительной борьбы славян и Византии[46]. Было бы неправильно думать, что уяснение этого вопроса не имеет существенного значения для понимания роли славян в создании того строя, который сложился в Византии к VIII—IX вв. В самом деле, разве можно решать этот вопрос, отвлекаясь от того, когда началась колонизация славянами византийских владений, какие районы и в какой степени были ею затронуты, в каких условиях происходило оседание переселенцев на новых землях, каковы были их взаимоотношения с местным населением и т. д.?

К сожалению, изучение конкретной истории славяно-византийских отношений в современной литературе в значительной степени сводится к повторению того, что было выявлено в работах довоенного периода и первых послевоенных лет. Выдвигая общее положение, что славяне совершали многочисленные походы и набеги на византийские владения, авторы выбирают затем большее или меньшее количество конкретных фактов для иллюстрации и обоснования этого тезиса. И хотя привлекаемые факты

[44] См. «Всемирная история», т. III, стр. 90—91.
[45] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 278.
[46] См. выше, стр. 84.

описываются с различной степенью подробности, ссылка на них во всех случаях не преследует иной цели, кроме чисто иллюстративной. Поэтому все они обладают более или менее равной доказательной силой.

В «Очерках истории СССР», например, Б. А. Рыбаков указывает на походы «гетов» при императоре Анастасии (491—518 гг.), поход антов 518 г., набеги, происходившие около 530 г., походы 578—581 гг., 582 г.[47] В книге «Нариси стародавньої історії Української РСР» отмечены события 518, 534, 550—551 гг.[48] А. П. Каждан называет следующие походы: вторжение 517 г., когда «гетские» всадники опустошили Фессалию и дошли до Фермопил; походы 540, 551, 559 гг., первое вторжение славян в Грецию в 578 г., походы 581 г. и, наконец, вторжение 587 г., во время которого были взяты Сингидон, Анхиал и опустошена вся Греция[49]. В III томе «Всемирной истории» упомянуты походы 578 и 581 гг.[50] Они же и в дополнение к ним поход 626 г. фигурируют в «Очерках истории Византии и южных славян» А. П. Каждана и Г. Г. Литаврина[51]. С. А. Никитин в «Истории Болгарии» перечисляет несколько большее количество фактов: вторжение «гетов» в 493 г., походы 517, 527 (имеется в виду тот поход, который другие авторы датируют 518 г.), 535, 540—542, 548, 578, 581, 617, 626 гг.[52] Зато в «Истории южных и западных славян» тот же автор отмечает лишь два события: вторжения 517 и 527 (518) гг.[53] и т. д.[54]

Нетрудно подметить здесь различный подход авторов к отбору примеров: в одном случае список приводимых фактов имеет чисто случайный характер, в других исследователя привлекает нечто особенное, чему придается специальное значение. Так, З. В. Удальцова и А. П. Каждан отмечают поход 578 г. как первое свидетельство вторжения славян в собственно греческие земли (хотя это не совсем верно, так как славяне проникли в Эпир и Фессалию уже во время похода 517 г.). Поход 581 г. привлекает внимание исследователей постольку, поскольку именно с ним связано известное высказывание Иоанна Эфесского о славянизации Балкан. Поход 626 г. Каждан склонен считать кульминационным моментом славяно-аварского наступления на Византию[55] и т. д. Чем объяснить, однако, упоминание таких событий, как походы 535 г. или 548 г.? Это были заурядные, хотя, может быть, и опустошительные набеги. Перечисление случайно подобранных фактов, приводимых лишь для иллюстрации и притом таким образом, что по большей части одни с успехом могут быть заменены другими, мало продвигает разработку проблемы вперед. Никто из исследователей еще не ставил перед собой задачи систематизировать эти факты, попытаться выделить среди них действительно важные, определить то новое, чем каждое из последующих событий отличалось от предшествующих, и таким образом раскрыть общую тенденцию в развитии славяно-византийских отношений VI—VIII вв. Целесообразным, с нашей точки зрения, было бы углубленное исследование каждого из конкретных эпизодов: оно позволило бы выяснить его специфические особенности и определить место и значение среди других, подобных ему.

---

[47] «Очерки истории СССР. III—IX вв.»

[48] «Нариси стародавньої історії Української РСР». Київ, 1957, стор. 351—353.

[49] А. П. Каждан. Славяне и падение рабовладельческих отношений в Византии, стр. 55—56.

[50] «Всемирная история», т. III, стр. 90—91.

[51] А. П. Каждан и Г. Г. Литаврин. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958, стр. 40—42.

[52] «История Болгарии», т. I. М., 1954, стр. 37—44.

[53] С. А. Нікітін. «Історія південних і західних слов'ян, стор. 12.

[54] Из-за неуточненности отдельных датировок и возникающей отсюда путаницы у некоторых авторов названы походы, которых в действительности не было.

[55] А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин. Очерки истории Византии и южных славян, стр. 42.

В нашей литературе имеется определенный опыт в данном направлении: отметим, например, исследование А. Дьяконова, посвященное войне 540—542 гг. [56]; во многих работах фигурирует эпизод с Хильбудием и Псевдо-Хильбудием, тоже еще, впрочем, специально не изученный. Большой интерес представляют исследования Б. А. Рыбакова, связанные с истолкованием летописного предания о начале Киева и его легендарном основателе Кие, предпринимавшем экспедиции на Дунай и подвизавшемся при дворе византийского императора (под последним Рыбаков подразумевает Юстиниана I, что нельзя считать достаточно обоснованным) [57]. Эти исследования открыли нам совершенно новый эпизод в истории славяно-византийских отношений VI или начала VII в.

Специальные разыскания аналогичного порядка предпринимаются также сербскими и болгарскими учеными. Так, болгарская исследовательница В. Тыпкова-Заимова изучила весьма важный и доселе неизвестный эпизод в истории славяно-византийских войн — нападение славян на Фессалонику в 530 г. [58]

Подобные работы имеют принципиальное значение, так как исследователям приходится считаться со специфическим характером источников, имеющихся в их распоряжении. Главная трудность заключается в том, что эти источники часто называют славян не их собственным именем, а «гетами», «сарматами», «гуннами», «скифами» или даже просто «варварами». Выяснить, когда под этим именем действительно скрываются славяне, а когда какой-либо другой народ, не так просто. Иногда на помощь приходят археологические изыскания. Например, А. П. Каждан использует данные раскопок погребений VII в. н. э. близ Коринфа для обоснования тезиса о наличии славянского населения на севере Пелопоннеса и его участии в осаде Коринфа в VII в. [59]

Исследования такого рода должны быть продолжены. Но главная задача, думается, состоит в том, чтобы из нерасчлененного потока набегов и мелких войн выделить цепь основных существенных событий и таким образом реконструировать общую картину славянского наступления на Византию.

Как уже указывалось, среди советских историков преобладает убеждение, что Балканские войны VI—VII вв. н. э. явились новым этапом в борьбе славян против рабовладельческого мира. В связи с этим возникает вопрос о том, когда начался этот новый этап и чем он отличался от предыдущего. Принципиально правильный ответ на вторую часть вопроса был дан еще А. В. Мишулиным [60], подчеркнувшим, что славяне именно тогда впервые в своей истории выступили на исторической арене как вполне самостоятельная, организованная сила. Что касается определения *начальной даты самостоятельных выступлений славян*, то это не вполне ясно. В дореволюционной литературе принято было считать самой ранней самостоятельной акцией славян против Византии поход, приуроченный Прокопием к первому году правления Юстиниана I, но на основании некоторых косвенных наблюдений отнесенный Ф .И. Успенским к первому

---

[56] А. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII вв. ВДИ, 1946, № 1.

[57] Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 46—47; его же. Начало русского государства.«Вестник МГУ»,1955, № 4—5, стр. 58—66; «Очерки истории СССР. III—IX вв.», стр. 773—780.

[58] В. Тыпкова-Заимова. Нападения «варваров» на окрестности Солуни в первой половине VI в. ВВ, XVI, 1959, стр. 3—7.

[59] А. П. Каждан. Современная буржуазная историография о славянских переселениях в Византию. КСИС, № 11, 1953, стр. 69—70.

[60] А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи, ВДИ, 1949, № 1.

году царствования Юстина, т. е. к 518 г.[61] В настоящее время есть данные, позволяющие предполагать, что славяне предпринимали аналогичные экспедиции и до этого. Е. Э. Липшиц, в частности, склонна относить начало славянской колонизации к V в., а может быть, и к более раннему времени [62]. Она ссылается на участие славян в восстании Виталиана в 513 г. и — вслед за А. А. Васильевым [63] — на походы тюркских болгар в Грецию в конце V и начале VI в., во время которых «варвары» доходили до Фермопил. Но и эти факты в свою очередь не могут рассматриваться в качестве начальных эпизодов славянского движения в пределы империи: как мы уже знаем, есть основания относить его начало по крайней мере ко II—III вв. н. э.

Е. Э. Липшиц смешивает здесь, по-видимому, три разных явления: а) начало движения славян против рабовладельческой империи вообще (оно приходится на II—III вв. н. э.); б) начало самостоятельных военных действий славян против Византии на землях, расположенных к югу от Дуная (VI в. н. э.); в) начало славянской колонизации балканских земель. Конечно, славяне принимали участие во многих направленных против империи военных акциях и в V — начале VI в., и в еще более раннее время, но главными действующими лицами этих событий были другие группы племен. Набеги тюрок-болгар или восстание Виталиана тем более не могут свидетельствовать о начале славянской колонизации византийских владений, которая развернулась значительно позже.

В связи с этим чрезвычайно важными представляются попытки определить различия в самом характере славяно-византийских отношений на разных этапах иэ развития. Так, З. В. Удальцова проводит существенное разграничение между событиями первой и второй половины VI в.

Действительно, хотя до середины VI в. славяне и предпринимали массовые походы против Византии, но это были лишь отдельные, иной раз, правда, неплохо организованные, однако «сезонные» экспедиции; как отмечает Прокопий, впервые они остались на зиму в пределах империи только во время войны 550—551 гг. Поэтому говорить о колонизации византийских земель в первой половине VI в. еще не приходится. «Картина резко изменилась лишь со второй половины VI в. Потрясаемая восстаниями рабов, колонов и городской бедноты, Византийская империя была уже не в силах противиться натиску славян и других народов» [64].

Исследование конкретных событий славяно-византийских столкновений, естественно, требует усиленной разработки источниковедческих вопросов. Сейчас уже трудно рассчитывать на обнаружение каких-либо неизвестных текстов, способных дать принципиально новые сведения фактического характера. Главной задачей является углубленное изучение имеющегося источниковедческого фонда, тщательное переосмысление уже известных, но далеко еще не понятых до конца фактов.

Одним из значительных достижений советского византиноведения следует считать налаженную публикацию источников, среди которых имеется немало и таких, которые содержат известия о древних славянах и их взаимоотношениях с Византией. В 1950 г. было предпринято полное издание книги Прокопия «О готской войне» [65], являющейся важнейшим источником по истории славян в VI в. н. э. Это — первое издание памятника в

---

[61] Ф. И. Успенский. *История Византийской империи*, т. I, изд. Брокгауз — Ефрон, стр. 465.

[62] Е. Э. Липшиц. Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма. ВИ, 1961, № 6, стр. 106.

[63] А. А. Васильев. Славяне в Греции. ВВ, V, 1898, стр. 408.

[64] См. «Всемирная история», т. III, стр. 90.

[65] Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.

русском переводе — до того времени имелись лишь переводы других книг: «О войнах Юстиниана» (о войнах с персами и вандалами), а также «О постройках» и «Тайная история». За переводом Прокопия последовали издания Агафия Миринейского (подготовленного к печати покойным М. В. Левченко [66]), затем — Феофилакта Симокатты (Н. В. Пигулевская, С. П. Кондратьев, К. А. Осипова) [67] и, наконец, совсем недавно — образцовое издание Иордана, с большим мастерством осуществленное Е. Ч. Скржинской [68]. Нельзя не отметить также публикации «Бревиария» Никифора [69] и ряда отрывков, вошедших в сборник документов по социально-экономической истории Византии [70].

Все эти издания способствуют расширению источниковедческой базы для разработки интересующей нас проблемы.

В центре внимания исследователей остается вопрос о последствиях славянской колонизации Балкан для Византии. Советские ученые подвергли убедительной критике антинаучные взгляды по этому вопросу, проповедуемые на страницах буржуазных изданий. Некоторые зарубежные историки и сейчас, вопреки многочисленным фактам, накопленным наукой, продолжают либо вовсе отрицать всякое значение славянских вторжений в пределы империи, либо же стараются представить славян в виде дикой разрушительной силы, способной только уничтожать, но не создавать ничего нового. В плане разоблачения этих измышлений особое значение имеет статья А. П. Каждана, содержащая критику взглядов А. Грегуара, К. Амандоса, А. Бона, К. М. Сеттона и др. [71]

Советскими исследователями твердо установлено, что славяне в VI—VIII вв. оказали большое влияние на все дальнейшее развитие Византии. В работах исследователей отмечаются изменения в этническом составе населения Балкан, участие славян в ниспровержении рабовладельческого строя и в создании новой системы общественных отношений. При этом справедливо подчеркивается, что хотя Византия испытала натиск разных племен и народов (германцев, персов, армян, арабов и т. д.), именно славяне сыграли наиболее существенную роль в ее истории. «Ни одно из этих вторжений,— пишет А. П. Каждан,— не имело такого значения, как славянское. Другие народы приходили и уходили, и лишь скромные осколки промелькнувших племен оставались на ромейской земле; славяне же осели на Балканском полуострове, образовав здесь свои первые государственные объединения. Вместе с тем они составили важный этнический слой населения ряда областей Восточной Римской империи и оказали существенное влияние на ее социально-экономическое развитие» [72]. Важную роль славян в судьбах империи отмечают З. В. Удальцова [73], М. Я. Сюзюмов [74], А. Е. Москаленко [75] и многие другие исследователи.

Последствия славянской колонизации Балкан были двоякого рода: пе-

---

[66] Агафий. О царствовании Юстиниана. М.—Л., 1953.

[67] Феофилакт Симокатта. История. М., 1957.

[68] Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.

[69] Е. Э. Липшиц. Никифора, патриарха Константинопольского, краткая история со времени после царствования Маврикия. ВВ, III, 1950, стр. 349—387.

[70] «Сборник документов по социально-экономической истории Византии». М., 1951, стр. 73—102.

[71] А. П. Каждан. Современная буржуазная историография о славянских переселениях в Византию, стр. 65—75.

[72] А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин. Очерки истории Византии и южных славян, стр. 43.

[73] См. «Всемирная история», т. III, стр. 90—91.

[74] М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии, стр. 98—117.

[75] А. Е. Москаленко. О роли древних славян в исторических судьбах Восточной Римской империи. «Преподавание истории в школе», 1956, № 2.

ремены в этническом составе населения земель, затронутых колонизацией, и изменения в социально-экономическом строе Византии.

Большинство исследователей главное внимание уделяет вопросам социально-экономического характера (А. П. Каждан, З. В. Удальцова, М. Я. Сюзюмов и др.). Однако имеются примеры и другого подхода к рассмотрению проблемы. В частности, С. А. Никитин подчеркивает лишь явления этнографического порядка: он говорит об ассимиляции местных племен славянами и в связи с этим — об образовании южнославянских народов [76]. Эта сторона вопроса является наименее проблематичной: современная этнографическая карта Балкан представляет собой лучшее отражение данного процесса. Основное население балкано-дунайских земель в древности не может, вопреки утверждениям Н. С. Державина и некоторых других исследователей, считаться славянским по своему происхождению. Пространства северо-восточной части Балканского полуострова были заселены в основном фракийцами, северо-западной — иллирийскими племенами, а южной — греками. В процессе многочисленных смешений, передвижения населения, вторжений и миграций здесь так или иначе были представлены и другие этнические группы: скифская, сарматская, готская, римская, кельтская и т. д. Если в настоящее время весь север Балканского полуострова входит в состав славянских земель, то этот факт является непосредственным результатом славянской колонизации, охватившей земли к северу от Дуная еще в первые века н. э., а территорию к югу от реки — главным образом начиная с середины VI в.

Проблема южнославянского этногенеза весьма интересна и важна, однако, поскольку речь идет о существе тех изменений, которые повлекло за собою оседание славянских племен на византийских землях, то на первый план выдвигается социально-экономическая проблема. В VI—VIII вв. в Византии (как и во всей Европе) осуществлялся окончательный переход от изжившего себя рабовладельческого способа производства к феодальному. В Византии этот процесс протекал в условиях славянских вторжений, подобно тому как в Западной Римской империи — в условиях завоевания германскими племенами. Этот факт, твердо установленный в советской литературе еще в конце 30-х и в 40-е годы, является тем исходным пунктом, от которого в настоящее время отправляются исследователи, занятые изучением славяно-византийских отношений в раннее средневековье.

Социальное значение славянской колонизации заключалось прежде всего в притоке новых свежих масс свободного населения на византийские земли, подвергавшиеся на протяжении нескольких веков разорению и опустошению. В буржуазной науке существует даже представление, что вклад славян в историю Византии ограничился простым увеличением количества рабочих рук, так что никаких изменений в области общественного устройства славяне якобы не внесли (А. П. Каждан и З. В. Удальцова называют это направление буржуазного византиноведения «демографическим» и подвергают его резкой критике [77]).

В противовес этой точке зрения советскими учеными убедительно доказано, что славяне принимали самое активное участие в преобразовании византийского общества на новой социально-экономической основе. В самых общих словах, роль славян в истории Византии заключалась в том, что они «так же, как и германцы, своими вторжениями, сливавшимися с восстаниями рабов и колонов внутри Римской империи, сокрушили рабовла-

---

[76] «Історія південних і західних слов'ян», стор. 12.

[77] З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии, стр. 87.

дельческое общество и на его развалинах стали строить общество феодальное»[78].

В глазах угнетенных низов византийского общества славяне были носителями свободы, естественными союзниками трудящихся масс империи в их борьбе с собственными угнетателями. Этим славянские вторжения отличались от вторжений персов или арабов, знавших развитые формы классового угнетения и несших византийским крестьянам вместо одной неволи другую.

Уже движение причерноморских племен против Римской империи в первые века н. э. находило поддержку эксплуатируемых масс порабощенной римлянами Дакии. Как установлено работами А. Д. Дмитрева[79], И. Т. Кругликовой[80], Ю. К. Колосовской[81], на протяжении всей римской оккупации, начиная со времени Траяновых войн, здесь не прекращалось освободительное движение местных племен. На него в значительной степени и опирались внешние вторжения, в том числе те, в которых принимали участие славяне. В V в. в пограничных провинциях Византии развернулось движение скамаров, сыгравшее немалую роль в успешном развитии славянского наступления V—VII вв. Этому движению и именно в связи с проблемой славяно-византийских отношений посвящена статья А. Д. Дмитрева[82]. Автор приходит к обоснованному выводу, что скамары «оказывали могучую поддержку вторгавшимся славянам и вместе с последними принимали активное участие в разрушении рабовладельческих порядков Восточноримской империи»[83]. И дальше: «Скамары, как борцы против римского, а затем и византийского гнета в течение продолжительного времени выступали в союзе с вторгшимися на Балканский полуостров и утверждавшимися там славянскими и другими племенами»[84].

Итак, славянские вторжения, столь ужасавшие рабовладельческую верхушку *византийского общества, сочувственно воспринимались широкими* массами трудового населения. Причина этого заключалась в том, что, выступая против рабовладельческих порядков, славяне способствовали облегчению положения этих масс (уменьшали подати и т. д.)[85].

Советские историки считают наиболее важным результатом славянской колонизации, слившейся с революционными выступлениями рабов и колонов, уничтожение крупного землевладения, которое перестало быть господствующей формой аграрных отношений и вынуждено было уступить место мелкому крестьянскому хозяйству[86]. «Итогом длительной борьбы славян с последним могущественным рабовладельческим государством в Европе,— пишет Б. А. Рыбаков,— было... то, что огромные массы свободных общинников... хлынули на Балканский полуостров и стали его основным населением. Господствующий класс империи не исчез, разумеется, и не потерял полностью своих латифундий, но он утратил свое исключительное положение..., сотни тысяч славян ворвались в империю, уничтожая укрепления латифундий и уводя в плен богатую аристократию в надежде на выкуп.

---

[78] А. Е. Москаленко. Указ. соч., стр. 113.

[79] А. Д. Дмитрев. Падение Дакии. ВДИ, 1949, № 1, стр. 76—85; его же. Восстание вестготов на Дунае и революция рабов. ВДИ, 1950, № 1, стр. 66—80.

[80] И. Т. Кругликова. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955, стр. 135—142.

[81] Ю. К. Колосовская. *К истории падения римского господства в Дакии* ВДИ, 1955, № 3, стр. 63—84.

[82] А. Д. Дмитрев. Движение скамаров. ВВ, V, 1952, стр. 3—14.

[83] Там же, стр. 3.

[84] Там же, стр. 14.

[85] См., например, «Всемирная история», т. III, стр. 91.

[86] З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии, стр. 87

Возврат к рабовладельческим формам стал невозможен: вчерашних победителей славян нельзя было превратить в рабов» [87].

Уничтожение (хотя и неполное) крупного землевладения и освобождение основного производителя из рабского состояния — это были две стороны одного процесса формирования предпосылок для утверждения феодального способа производства.

При всей бесспорности общей концепции, выработанной советской наукой, отдельные детали ее требуют еще своего уточнения и разъяснения. На первый взгляд существенная (если не решающая) роль славян в генезисе византийского феодализма как будто полностью доказана. По словам А. П. Каждана, «славяне омолодили Византию точно так же, как это сделали германцы в отношении Западной Римской империи» [88].

Но при этом все же следует учитывать, что, в отличие от германцев и Западной Римской империи, славянская колонизация затронула далеко не всю территорию Византии; кроме того, те земли, которые подверглись колонизации, отпали от Византии прежде, чем процесс феодализации был окончательно завершен (Болгария, несколько позже — Сербия, Хорватия и т. д.). Следовательно, между судьбой Западной и Восточной империи имелась существенная разница: в одном случае не только общественный строй, но и государственная машина были полностью сломаны в результате вторжений «варваров», тогда как в другом последняя осталась в неприкосновенности и постепенно эволюционизировала вслед за эволюцией социально-экономических отношений. Иными словами, если на Западе феодализации подверглись новые общественные организмы, возникшие на руинах мертвого рабовладельческого Рима, то на Востоке происходила феодализация той же самой империи, лишь краем затронутой внешними вторжениями. Многие исследователи (А. П. Каждан [89], А. Е. Москаленко [90]) отличают в связи с этим Восточноримскую (рабовладельческую) империю от Византийской (феодальной), полагая, что первая была ликвидирована в результате внутренних народных движений и вторжения «варваров» (подобно Западной), а вторая возникла на ее развалинах как совершенно новый общественный организм. Такая постановка вопроса была намечена еще А. В. Мишулиным, который свою вторую статью, посвященную оценке роли славян в истории Византии, даже назвал «Древние славяне и крушение Восточноримской империи» [91].

Социально-экономический аспект подобного представления является вполне обоснованным: Византийская империя VI в. была чем-то принципиально новым по сравнению с древней Восточноримской. Что же касается политического аспекта, то прав М. Я. Сюзюмов, когда он возражает против такого расчленения, указывая, что переход от рабовладельческого строя к феодализму в Восточноримской империи осуществлялся все же в рамках одного и того же государства, которое, следовательно, не потерпело крушения, но лишь изменило свою социальную природу [92]. Разумеется, это утверждение отнюдь не означает возрождения нелепого тезиса, против которого были направлены выступления А. П. Каждана и А. Е. Москаленко, будто славяне своими вторжениями и колонизацией способствовали укреплению рабовладельческой империи.

---

[87] «Очерки истории СССР. III—IX вв.»., стр. 110.

[88] А. П. Каждан. Славяне и падение рабовладельческих отношений в Византии, стр. 58.

[89] Там же.

[90] *А. Е. Москаленко. Указ. соч., стр. 112—114.*

[91] ИЖ, 1941, № 10—11.

[92] М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии.

Своеобразие положения и заключается как раз в том, что сплошная славянская колонизация, в отличие от «варварских» вторжений на западе империи, затронула лишь часть византийских земель. Здесь она действительно привела к слому византийского государственного аппарата и возникновению новых славянских государств (Болгарии, Сербии, Хорватии). Та же часть империи, которая не была занята славянами или где славянские переселенцы не составили большинства населения (в том числе и Константинополь, в отличие от Рима, устоявший перед «варварами»), сохранила свою прежнюю государственность, в рамках которой и был осуществлен переход к феодализму. Как видим, говоря о славянском влиянии на процесс государственного и политического развития Византии, нельзя рассматривать этот процесс в масштабах империи в целом: славянская колонизация, в разной степени затронувшая отдельные районы империи, имела для них и разные последствия.

Другим спорным вопросом, поскольку речь идет о последствиях славянской колонизации византийских земель, является вопрос об историческом месте славян в эволюции византийской общины[93]. Существо его определяется тем, что общинные порядки VIII в., обрисованные в «Земледельческом законе», отражают состояние общества более архаическое, нежели византийское законодательство времени Юстиниана. Сопоставляя данные источников VI в. с данными «Земледельческого закона», мы неизбежно приходим к выводу об архаизации общественного строя Византии, имевшей место где-то на протяжении VII в. и заключавшейся в почти полном исчезновении основной категории зависимых крестьян и явном преобладании свободного крестьянского труда.

Возникает вопрос, какова была роль славян в этом процессе и в какой мере славянская община, принесенная на Балканы переселенцами, повлияла на судьбы византийской. В русской дореволюционной литературе была выдвинута концепция, согласно которой община «Земледельческого закона» и является славянской общиной, появившейся на византийских землях вместе со славянами-переселенцами. Хотя советские исследователи не отрицают наличия в этой концепции известного рационального ядра, в настоящее время она (по крайней мере в том виде, в котором была сформулирована В. Г. Васильевским и Ф. И. Успенским) отвергается. Признается, что община существовала в Византии до славянской колонизации и независимо от нее; славяне же оказали существенное влияние на ее развитие, и прежде всего на ее положение в общей системе социальных отношений в империи VII—VIII вв. А. П. Каждан говорит даже о формировании славяно-византийской общины в результате славянских вторжений VI — начала VIII в.[94] Таким образом, вопрос о том, что произошло с византийской общиной в указанное время и что именно внесло славянское переселение в процесс ее развития, полностью сохраняет свою актуальность.

З. В. Удальцова и А. П. Каждан, отмечая изменения, происшедшие в византийской общине и заключавшиеся, по их мнению, в отмене периодических переделов, наличии элементов семейной собственности и сильно развитых прав на чужую землю[95], указывают две причины этих измене-

---

[93] М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону. ВВ, X, 1956, стр. 27—47; А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—IX вв. ВВ X, 1956, стр. 48—65.

[94] А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—IX вв., стр. 49—50.

[95] З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии, стр. 86.

ний: внутренние потрясения, пережитые Восточноримской империей, и внешние вторжения (в первую очередь славянские) [96]. Таким образом, славянская колонизация рассматривается в качестве одного из двух факторов, обусловивших вышеупомянутые изменения.

М. Я. Сюзюмов, разделяя мнение, что «славяне принесли в Византию общину», считает вместе с тем необходимым уточнить его [97]. Он полагает, что славянское влияние не отразилось на формах крестьянского землевладения, которое и до и после появления славян представляло собою частную собственность; разница состояла в том, что в новых условиях, определявшихся притоком большого количества свободного населения, свобода этой собственности стала ограничиваться самой общиной. Длительное время спустя эта тенденция нашла и свое юридическое оформление в законодательных актах [98]. По словам исследователя, «византийская община под славянским влиянием развивалась, но не деградировала на низшую стадию имущественных отношений». Славяне в момент появления на территории Византии находились уже на высокой стадии развития, при которой «техника обработки земли, пашни, огорода, виноградника предполагала труд отдельной (хотя и большой) семьи..., это обстоятельство и делало славянских поселенцев в районах греческого населения восприимчивыми к нормам полной частной собственности» [99].

Во всяком случае, рассматривая вопрос об эволюции византийской общины, следует говорить о влиянии славян на этот процесс только в отношении тех земель, которые были непосредственно затронуты славянской колонизацией. А как же быть с прочими, население которых значительно превышало население территорий, заселенных славянами? Ссылки на то, что остальные земли подверглись заселению готами или армянами, не решают вопроса: трудно представить, чтобы влияние пришельцев при всех обстоятельствах оказалось бы абсолютно одинаковым; нельзя не учитывать хотя бы того, что армяне, например, знали в то время развитые рабовладельческие отношения.

Таким образом, одной из задач дальнейших исследований является выяснение конкретного вклада в развитие византийской общины, внесенного славянами и прочими «варварами».

* * *

Подводя итоги сказанному, видим, что в успешно развивающемся советском византиноведении сделано очень много для правильного понимания истории славяно-византийских отношений VI—VIII вв. и их значения в судьбах Византии. Но, как это бывает обычно, успешная разработка проблемы, давая ответ на одни вопросы, одновременно ставит новые, которые также требуют дополнительного изучения. Этим определяется в настоящее время направление дальнейшей работы исследователей славяно-византийской проблематики.

---

[96] Там же, стр. 86—87.
[97] М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии, стр. 101.
[98] Там же, стр. 108—109.
[99] М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии, ВВ, XVII, 1960, стр. 5.